

здесь нескольких пластов художественного сознания, истоки которых восходят к рассмотренным в настоящей статье тенденциям. Профессиональное искусство и искусство монахов-художников проявляет пристальный интерес к традициям интерпретации Белого Старца школой Дзанбазара; мастера народных промыслов обращаются к древним традициям. Особый пласт составляют образцы так называемой массовой культуры. Тиражирование популярного в Монголии образа, с одной стороны, приводит к широкому распространению его в современной культуре; с другой, что особенно важно, к явному его «снижению». Глубоко почитаемый образ становится товаром из ассортимента сувенирной продукции, пользующейся большим спросом.

Таким образом, как свидетельствует собранный нами материал, изобразительная традиция Цагаан Эбугена позволяет дополнить представление исследователей о становлении и трудностях развития самосознания монгольской художественной культуры.

Бакаева Э. А. Белый старец: особенности мифологических характеристик у калмыков // Теегин герл. [Элиста] 1998. № 6.

Дулам С. Монгол домог зүйн дүрь. Улан-Батор, 1989.

Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. М.; Л., 1954.

Монгол нутаг дахь түүх соелын дурсгал. Сэдэвчилсэн лавлах (энциклопедия) / Отв. ред. Д. Лувсандамбын. Улан-Батор, 1999.

Новгородова Э. А. Древняя Монголия. М., 1989.

Цултэм Н. Скульптура Монголии. Улан-Батор, 1989.

Цултэм Н. Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века. М., 1986.

А. С. Франц

НРАВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА: КРИЗИС ИЛИ НЕТРАДИЦИОННЫЙ СПОСОБ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ?

Нравственную культуру справедливо считают одной из наиболее значимых социальных ценностей. Ее цементирующее воздействие на сохранение целостности человеческого сообщества и на облагораживание человеческих отношений мало кто подвергает сомнению. На протяжении веков нравственная культура общества складывалась на основе совокупного общественного опыта, позитивные выводы которого принимали форму обычаев и традиций. В истории культуры «понятия о добре и зле вырабатывались... не на основе того, что представляет добро или зло для отдельного человека, а на том, что составляет добро или зло для всего рода» [Кропоткин, 1991, 77].

Высокая значимость нравственной культуры для функционирования всех сфер общественных отношений стала в последней трети XX в. основанием для

научных исследований ее сущности и специфики. Столь позднее обращение науки к этой проблеме не случайно. В условиях традиционных обществ восприятие человеком нравственной культуры не требовало особого внимания исследователей. Содержание ее норм воспринималось обществом, как любая ценность, ¹интенционально, т. е. посредством духовного, чувственного познания в процессе наблюдения их многократного повторения в поведении окружающих. «В реальной жизни, – писал по этому поводу Н. О. Лосский, – ценностный момент встречается в неразрывной связи с бытием» [Лосский, 2000, 7]. Отклонение поведения человека от общепринятых стандартов практически было невозможно, так как непосредственный социальный контроль окружающих санкционировал любой его шаг, не соответствующий нравственным представлениям. Таким образом, традиционное общество обеспечивало человеку возможность почувствовать и понять общепринятые различия между добром и злом, усвоить обязательные для всех требования морали и достойные, нравственные способы их реализации в поведении.

В посттрадиционных обществах ситуация кардинально меняется. Хотя значимость нравственной культуры для функционирования общества и для жизнедеятельности человека не уменьшилась, а в связи с появлением возрастающих разрушительных террористических технологий и экологических катастроф даже увеличилась, воспользоваться человеку облагораживающим воздействием нравственной культуры становится все труднее. Сложившийся в прошлом способ ее восприятия человеком становится малоосуществимым. Сторонникам традиционной нравственности приходится нередко с особой настойчивостью требовать от окружающих воспроизводства ее норм в жизни. Но эти усилия все реже заканчиваются успехом. Ситуация расценивается нередко как кризис нравов и связывается с неизбежным наступлением Апокалипсиса.

Трагическое восприятие обществом этой проблемы актуализировало необходимость научного анализа феномена нравственной культуры. Внимание отечественной науки было обращено на выявление ее сущности и специфики (А. С. Анисимов, Л. М. Архангельский, В. Т. Ганжин, Л. Г. Гринберг, А. А. Гусейнов и др.). Указанный подход показал ее связь с человеческой деятельностью и с другими формами культуры – художественной, политической и т. д. (Л. Н. Коган, Э. С. Маркарян, Г. А. Сухорукова и др.), позволил сформулировать ряд ее функций – ориентирующую, регулирующую, воспитательную (В. И. Бакштановский, Ю. В. Согомонов, А. И. Титаренко и др.), обратил внимание на ее ценностный характер (Л. М. Архангельский, В. Ю. Жямайтис). Однако для практического использования потенциала нравственной культуры в процессах управления, семейного и общественного воспитания, в поиске человеком оптимальных путей самореализации этих знаний оказывалось недостаточно. Перед культурологией встала задача дифференцированного осмысления характерных для общества реальных нравов.

В результате предпринятых автором данной статьи исследований удалось выяснить, что современная российская нравственная культура имеет плюралистический характер. Она не может быть отождествлена с традиционной системой нравственных ценностей. В силу изменений условий жизни и протекания

процесса развития человеческой индивидуальности в обществе сложились ряд других, не совпадающих с ней по содержанию систем нравственных ценностей.

Сложившаяся традиционная нравственная культура определяла ценность личности человека в соответствии с мерой его полезности для общества. В этом контексте неслучайной была дискуссия 60-х годов прошлого века о том, кого из утопающих необходимо спасти первым – физика или лирика. Поскольку физики в те времена считались наиболее полезными для общества людьми по сравнению с лириками, некоторые участники дискуссии считали, что физика нужно спасти первым. В традиционной нравственной культуре приветствовалось не только жертвование чужой жизнью, но и самопожертвование как добровольное служение интересам общества, высшим проявлением которого был героизм. Бескорыстие, скромность, готовность к терпеливому перенесению любого страдания ради поддержания общего блага помогали им соответствовать главному требованию нравственной культуры – быть «как все». Все эти качества были основными критериями самоуважения человека.

Система традиционных ценностей основана на принципе авторитаризма. Авторитет возраста человека и его иерархического положения определяли целый блок не подвергаемых сомнению норм нравственного поведения: уважение старшего младшим, ответственность старшего за действия младшего, беспрекословное послушание и смирение младшего по отношению к повелению старшего. Домострой поучает: «Тем, кто старше тебя, честь воздавай и кланяйся» [Домострой 1991, 20]. Это практически исключало возможность проявления любого конфликта. На фоне смирения авторитаризм неизбежно превращался в вождизм. Культ вождя как самого высокого земного авторитета вызывает к жизни у его подопечных целую гамму необходимых качеств: верность, надежность, постоянство. Система веками складывающейся нравственной культуры была бы неполной без включения в нее такой ценности, как патриотизм, который должен был постоянно подтверждаться человеком в его поведении.

Система нравственной культуры безупречно функционировала благодаря существованию так называемого порядка и безоговорочного подчинения каждого человека требованиям этого порядка, под которым понималось знание и выполнение каждым человеком своих нравственных обязанностей и жесточайшие санкции общественного мнения в адрес нарушителя. Порядок обеспечивал должный уровень занятий людей трудом, гарантировал сохранение семьи, проявление взаимопомощи.

Завершая воссоздание образа традиционной нравственной культуры, нельзя не отметить характер взаимоотношений между человеком и окружающими его людьми. Для традиционных нравственных взаимоотношений были характерны вера человека в возможность получения помощи со стороны окружающих людей, надежда человека на нее и любовь людей к любому человеку. Таким примерно видится образ традиционной нравственной культуры. Однако, несмотря на трепетное воспроизведение в литературе и даже

в жизни привлекательных ценностей традиционной культуры, никому из ее последователей не удалось сколько-нибудь заметно усилить ориентации людей на ее нравственные идеалы.

Возрастающий процесс разделения труда обусловил формирование различных направлений деятельности людей, создавших не совпадающие по содержанию системы нравственных ценностей и оценок. Характерные для одних культурных групп нравственные ценности часто не воспринимаются людьми других культурных групп как таковые. Например, такие предпринимательские нормы, как компромисс, трезвый расчет, воспринимаются часто другими кругами как аморализм.

Сложность и противоречивость обсуждаемого явления породила разнообразие подходов к исследованию его сущности и специфики. Наиболее продуктивным автору представляется выявление взаимосвязи нравственной культуры с родственными ей явлениями: моралью, нравственностью, нравами. Анализ исследования морали дает возможность представить ее как духовное образование, сложившееся в обществе на основе опыта взаимодействия людей и представляющее собой императивную систему идеалов, принципов и критериев оценок поступков людей, формирующих морально-психологические установки людей на добро и запреты на проявление ими зла. **Нравственность**, так же как и мораль, представляет собой духовное образование, суть ее составляют выработанные человечеством представления об оптимальных нормах поведения людей, посредством которых можно реализовать требования морали. Нравственность формирует общественные и индивидуальные установки людей на достойное выполнение моральных предписаний. Поскольку в нравственности объективно сложившиеся в общественном сознании образы предпочитаемых норм поведения корректируются индивидуальным представлением о ней каждой группы людей, в ней неизбежно возникает момент субъективности. Мораль и нравственность можно соотнести как сложившиеся в представлениях людей требования к их поведению (мораль) и средства выполнения этих требований (нравственность).

Обусловленное моралью и нравственностью поведение людей проявляется в нравах как принятых социальной общностью нормам и формах поведения людей. Именно в них реализуется повелевающий характер морали и субъективно понимаемая данной социальной общностью нравственность. Мораль и нравственность можно представить как духовные предпосылки функционирования нравственной культуры, а нравы – как ее практическое проявление. Предлагаемый автором подход позволяет представить нравственную культуру как специфическую систему морали, нравственности и нравов, осуществлять интерпретацию наблюдаемых нравов на основе складывающегося конкретно-исторического понимания морали и нравственности разнообразными культурными группами. При этом определяющим критерием моральности поведения становится не степень его привычности, а степень соответствия объективным моральным принципам. Это позволяет понять по крайней мере две волнующие современное общество проблемы: во-первых, действительно ли разрушается нравственная культура или разрушаются привычные представления о ней;

во-вторых, достаточно ли для нравственного самосовершенствования человека в современных условиях привычного интенционального способа освоения им нравственной культуры.

Проведённое автором исследование феномена нравственной культуры позволяет сделать вывод о том, что «в современных условиях сложилось несколько типов нравственных ценностей, которые могут претендовать на статус различных типов нравственных культур» [Франц, 1999, 319]. Знакомая для всех россиян традиционная нравственная культура продолжает существовать, но значительно сократилась сфера ее функционирования. Субъектом ее воспроизводства остаются культурные группы, предрасположенные к репродуктивному типу деятельности. В течение последних столетий традиционная нравственная культура стала стартовой площадкой для формирования на ее основе других типов нравственных культур – гедонистической (интеллектуально-творческой), прагматической (организационно-предпринимательской) и нигилистических нравов.

Гедонистическая нравственная культура начинает формироваться в тех исторических условиях, когда общество могло позволить себе осмысление особенностей человеческого существования. Процесс осмысления какого-либо явления человеком возможен прежде всего при условии развития его индивидуальности. Поэтому постепенно в культурной группе, объединяющей людей с предрасположенностью к интеллектуально-творческой деятельности, сложилась отличная от традиционных нравов система нравственных ценностей. Труд человека не рассматривается в гедонистических нравах как обязательная доля в общем труде, а представляет собой инициативное стремление самого человека испытать удовольствие от процесса художественного или научного осмысления мира. Истины ради стоит заметить, что результаты интеллектуально-творческой деятельности людей объективно, как правило, становятся полезными для всего общества. Система гедонистической нравственной культуры придала статус ценностей таким качествам людей, как потребность в дружбе и умение дружить, потребность восхищаться проявлением индивидуальности другого человека и умение ее рассмотреть и оценить. П. В. Анненков подчеркивает, например, что для Н. В. Гоголя мера уважения к людям определялась мерой их познания и опытности в каком-либо отдельном предмете. Предрасположенность человека к интеллектуальному творчеству невольно создает у субъектов других нравственных ценностей, не знакомых с особенностями этой созидательной деятельности, а нередко и у самих творцов видимость их праздной, следовательно, аморальной жизни.

Не отмечено высокой моральной оценкой в этом типе нравственной культуры и проявление людьми практичности или расчетливого стремления преуспевать в чем-то, ибо нравственным признавалось только сосредоточение внимания человека на творческом процессе и на сопровождающей его высокой духовности. Отличительной ценностью этой нравственной культуры является и гордость, понимаемая как стремление человека не обременять окружающих своими радостями или неприятностями, не эксплуатировать их доброжелательного отношения к себе. Кстати, патриотическая гордость за свою Родину

постепенно дополняется космополитизмом, т. е. потребностью восхищенного отношения ко всему достойному восхищения во всем мире.

Оберегающее отношение человека к окружающим и уверенность в их добропорядочности стимулировали его к проявлению великодушия. Нравственные идеалы в сознании людей этой культуры принимали настолько изысканный и привлекательный характер, что не требовалось контролировать поведение друг друга. Чувство собственного достоинства и постоянное стремление к самосовершенствованию не позволяли им опускаться в своем поведении ниже своих нравственных идеалов. Если названные ценности дополнить характерной для этого типа культуры возможностью проявления чувства любви между мужчиной и женщиной, верой в преобладание у людей лучших качеств и надежды на победу добра над злом, то складывается основа для описания образа гедонистической нравственной культуры.

Мало общего с традиционной и гедонистической нравственными культурами выявляется в сложившемся образе прагматической нравственной культуры. Само ее название не лишено дискуссионности, ибо прагматизм традиционно рассматривался как антипод нравственности, противоречил, например, такой ее характеристике, как бескорыстие. Опуская описание драматизма формирования прагматической нравственной культуры, ее идеалов и норм, целесообразно проанализировать их с позиций полезности по отношению к процессу сохранения целостности общества. Служение человека делу и его стремление сохранить свое здоровье и работоспособность являются ее определяющими нравственными ценностями. Для достижения этой цели общество резко меняет образ жизни. В Европе, например, в связи с этим резко уменьшилось потребление населением крепких спиртных напитков и увеличилось потребление тонизирующих – чая и кофе. Такое бережное внимание к себе на первый взгляд оценивалось нередко как эгоизм, который традиционно считался аморальным. Но только на первый взгляд! Постепенно расчетливое отношение предпринимателей к сохранению своей работоспособности многие вынуждены признать нравственным, ибо оно оптимизирует экономические условия существования современного общества. Без формирования и использования этих качеств невозможно обеспечение многих условий сохранения социальной целостности общества. К ним относятся организация продуктивного обеспечения общества необходимым количеством товаров и услуг, благотворительность, которая постепенно заменяет уменьшающееся во взаимоотношениях людей милосердие, взимание достаточного объема налоговых поступлений в бюджет государства, а значит, и реализация государственной социальной политики и т. п.

Для поддержания материального производства как одного из условий развития общества нравственной ценностью становится сотрудничество. Не идеализируя прагматических нравов, вырастающих из жесткого насилия, следует отметить созданную ими нравственную ценность таких качеств, как неутомимость, постоянство, систематичность и добросовестность людей по отношению к труду и порождаемую предусмотрительностью добропорядочность в деловых отношениях. В качестве новых нравственных ценностей необходимо отметить

ценность компромисса, веру прежде всего в свои силы, надежду только на себя и любовь, конечно же, к себе. Попытка реабилитации эгоизма в системе моральных оценок (Т. Гоббс, М. Вебер, Н. Г. Чернышевский, М. М. Петров и др.) была, по-видимому, необходимым шагом в рефлексировании людей по поводу неизбежного в новых условиях переосмысления сущности нравственных ценностей. В прагматической нравственной культуре повышается ценность самообладания. Формируется способность слушать собеседника. Самый значимый аргумент отказа считать приведенные нормы поведения людей нравственными ценностями заключается в том, что предпринимательская деятельность усиливает социальное неравенство. Аргумент опровергается тем, что сама идея социального равенства является утопией, ибо уже при рождении люди обладают несовпадающим потенциалом физического, психического, интеллектуального и других сторон развития человека.

Значительно более проблематично обсуждение системы нигилистических нравов. В силу определенной совокупности причин они начали складываться в российском обществе около полутора веков назад. Их последователи не сомневаются в том, что истинной нравственной культурой являются исключительно нигилистические нравы. Для подтверждения или опровержения их мнения необходимо представить их совокупный образ. Поскольку понятие «нигилист» для большинства россиян ассоциируется с известным для всех образом Базарова, следует оговориться, что созданный И. С. Тургеневым образ нигилиста не имеет ничего общего с сутью российского нигилизма (чем неоднократно возмущались российские нигилисты), как далеки по своей сути содержание российского и европейского моделей нигилизма.

Российские нигилистические нравы сложились под воздействием такого понимания морали, в котором абсолютизируется добро, следовательно, в социальной практике, по мнению идеологов нигилизма, должно быть уничтожено все, в чем просматривается хоть какой-либо элемент зла. В целях тотального уничтожения зла оптимальными для достижения этой цели средствами (нравственными ценностями?) нигилистами были приняты борьба и бескомпромиссность. Характерное для нигилизма атеистическое мировосприятие сконцентрировало внимание нигилистов на вере в силу человека, на восхищении силой подавления.

Романтизация этих состояний привела к обесцениванию жизни любого человека. Наиболее привычным для нигилистов самовосприятием становится состояние жертвы, на которую должен быть способен любой нигилист ради достижения главной цели – уничтожения зла в мировом масштабе. Одним из высших проявлений нравственной культуры нигилисты считали способность человека к конфликтности. Она знаменовала собой его неудовлетворенность жизнью. Одним из самых высоких, с точки зрения нигилизма, ценностей считалось самообожение. На место изгнанного из души Бога нигилист ставил себя, и именно себя, как отмечал философ и теолог С. Н. Булгаков, считал единственным источником нравственности и истины. Наиболее опасным последствием нигилистического мировосприятия стала концентрация внимания человека на выявлении в любом другом человеке

только его недостатков и вытекающая из этого потребность по любому поводу выражать всегда и всеми свое возмущение.

В силу нецелесообразности созидательного труда до полного уничтожения мирового зла в их образе жизни начинает формироваться эйфорическая инерция ничегонеделания. Она подкреплялась пренебрежением не только к богатству, но и к элементарному материальному обеспечению жизни. Бедность воспринималась ими как символ высокой нравственности. Нельзя не упомянуть и об упрощении, обеднении и милитаризации речи, об усилении в общении нигилистов элементов ненормативной лексики, о доминировании в процессе общения повелительного наклонения. Для завершения образа системы нигилистических нравов следует отметить в качестве определяющего состояния нигилиста недоверие всем, безнадежность по отношению ко всему на свете и невозможность любви ни между родителями и детьми, ни между мужчиной и женщиной, ибо поиски недостатков друг у друга, по-видимому, просто опустошают душу.

Субъективизм в понимании нравственности привел нигилистов к фактическому отказу от нее. Субъектом формирования нигилистических нравов на рубеже XIX–XX вв., по мнению авторов «Вех», была интеллигенция. Хотелось бы предложить в этом вопросе некоторые уточнения. Нет основания считать, что вся интеллигенция предпочитала нигилистические нравы всем другим: большая ее часть усердно и продуктивно работала в сферах интеллектуального труда – в образовании, медицине, искусстве, науке и т. п. Последователями нигилистических нравов, согласно проведенным исследованиям, была лишь леворадикальная часть интеллигенции. Из всей системы нигилистических псевдоценностей нравственным критериям отвечают лишь добрые намерения, а способы и результаты их реализации аморальны. Следовательно, нигилистические нравы не отвечают критериям нравственной культуры.

В заключение необходимо отметить, что наряду с традиционной нравственной культурой сложились и стали необходимыми для общества гедонистический и прагматический ее типы. Нигилистические же нравы, разрушающие и общество, и каждого отдельного человека, представляют собой псевдокультуру.

Существование нескольких образов нравственной культуры и усложнение условий их восприятия людьми актуализируют необходимость целенаправленной квалифицированной помощи молодым людям – учащимся, студентам – в осознанном осмыслении сложившихся позитивных нравственных ценностей и нейтрализации ценностного восприятия людьми нигилистических нравов. Интенционального восприятия человеком нравственной культуры для полноценной социализации в обстановке плюралистического сосуществования ее различных вариантов становится недостаточно. Оно должно быть дополнено возможностью осознанного выбора человеком индивидуальных нравственных ориентаций на основе сопоставления им ценностных характеристик каждого типа нравственной культуры, осознанного отказа от элементов нигилистического мировосприятия и формирования на основе информированности толерантного отношения человека ко всем позитивным типам нравственной культуры.

Стабилизация гуманных отношений между людьми возможна в посттрадиционных обществах не столько на основе напоминания обществу о значимости для каждого человека нравственной культуры, сколько на основе его информированности о созидательных возможностях каждого ее типа.

Домострой. Ярославль, 1991.

Кропоткин П. А. Этика. М., 1991.

Лосский Н. О. Ценность и бытие. Харьков; М., 2000.

Франц А. С. Российские нравы: истоки и реальность. Екатеринбург, 1999.